

10276-69

Кирилль Терлецкій, епископъ Луцкій и Острожскій.

Кирилль Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ небогатаго рода православныхъ дворянъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ, въ Галиціи. Въ числѣ этихъ помѣстій упоминается с. Терло, отъ имени котораго, вѣроятно, образовалось и фамильное прозвище Терлецкихъ. Въ первой половинѣ XVI стмы встрѣчаемъ двухъ православныхъ епископовъ перемышльскихъ изъ этой фамилии: Лаврентія, упоминаемаго подъ 1535 г., и Арсенія — подъ 1540 г. Неизвѣстно, когда и по какому случаю отецъ Кирилла Терлецкаго оставилъ перемышльскую землю и переселился на Полѣсье; во всякомъ случаѣ родиной Кирилла правдоподобно можно считать пинскій повѣтъ или же самый г. Пинскъ, гдѣ въ исходѣ третьей четверти XVI в. мы встрѣчаемъ его въ санѣ священника при замковой церкви св. Димитрія, при чемъ, по свидѣтельству одного современника, онъ былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги „только дьячка за собою волочилъ, которому кермашами (т. е. доходами) пирожными заплату чинилъ“ ¹⁾. О предшествовавшемъ періодѣ его жизни, главное же о его образованіи не сохранилось никакихъ извѣстій. Можно, однако, полагать, что образованіе, полученное въ юности Кирилломъ Терлецкимъ, не было шире и выше того, какое обыкновенно давалось тогда дѣ-

¹⁾ Посланія аеонскаго инока-южноруса Іоанна Вишенскаго. (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II).

тѣмъ небогатыхъ православныхъ шляхтичей въ югозападной Руси: кромѣ грамотности, ученики, подъ руководствомъ знающаго „дьяка“, приобретали начитанность въ „святомъ писмѣ“ и богослужебныхъ книгахъ, получали начальныя познанія о предметахъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности и практически знакомились съ годичнымъ кругомъ церковныхъ богослуженій и вообще съ церковною обрядностью. Дальнѣйшая ступень въ системѣ тогдашняго обученія состояла въ томъ, что мальчика, подъ руководствомъ уже „бакаляра“, обучали „наукѣ латинскаго писма“, или же отдавали его на нѣкоторое время въ канцелярію градскаго или земскаго суда, гдѣ онъ, подъ руководствомъ „писаря“ (секретаря), упражнялся въ письмоводствѣ и въ составленіи дѣловыхъ бумагъ, изучалъ законы и знакомился съ порядкомъ и формами судопроизводства. Можно думать, что Кирилль Терлецкій пропелъ именно эту послѣднюю школу, такъ какъ достоверно извѣстно, что онъ и впослѣдствіи не зналъ латинскаго языка, но зато былъ хорошимъ юристомъ и основательно зналъ литовскій Статутъ и другіе кодексы гражданскаго и церковнаго права. Вообще же Терлецкій былъ человекъ весьма способный, зналъ хорошо польскій языкъ,² и впослѣдствіи путемъ чтенія и обращенія въ кругахъ хорошо образованныхъ людей отчасти восполнилъ недостаточность своего первоначальнаго образованія¹).

Занимая должность „протопопа“ соборной церкви въ г. Пинскѣ, Кирилль Терлецкій стоялъ весьма близко къ центру мѣстнаго епархіальнаго управления. Въ то время въ югозападной Руси при каждой епископской кафедрѣ существовали особыя духовныя коллегіи, такъ называемыя „крылосы“, составлявшіе одно изъ стариннѣйшихъ учреждений въ южнорусской церкви. *Крылосъ* состоялъ изъ лицъ благаго духовенства и служилъ органомъ епархіальнаго суда и управления: по правиламъ Виленскаго собора 1509 г., безъ участія „крылошанъ“ епископъ не могъ судить не только мірянъ, но даже лицъ подчиненнаго ему духовенства; „крылосъ“ же избиралъ архіерейскихъ намѣстниковъ, судившихъ и ря-

¹) Въ сочиненіи извѣстнаго Галицко-русскаго ученаго о. Качалы (Polityka polakow względem Rusi) сообщается свѣдѣніе, что Терлецкій, до вступленія въ духовное званіе, служилъ писаремъ у лит. скарбника Николая Тришны. Хотя въ документальныхъ источникахъ мы не нашли подтвержденія этому извѣстію, но самый фактъ признаемъ вполне правдоподобнымъ.

дившихъ сельскіе причты, вмѣстѣ съ епископомъ завѣдывалъ церковными имѣніями, съ нимъ же нераздѣльно являлся представителемъ церковно-епархіальныхъ интересовъ въ свѣтскихъ судахъ и предъ государственною властью. Еще большее значеніе пріобрѣтала „крылось“ въ случаѣ смерти епископа, когда катедра до назначенія новаго владыки оставалась нѣкоторое время вакантною: тогда все управление епархіей сосредоточивалось въ рукахъ крылошанъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ „протопопъ“ соборной церкви. А на катедрѣ пинской въ то время происходили безпрестанные смѣны епископовъ: послѣ смерти Макарія, ему наследовалъ (въ началѣ 60-хъ годовъ XVI ст.) другой Макарій (Евлашевскій), а черезъ годъ или два на той же катедрѣ мы встрѣчаемъ Іону Протасовича, который въ 1568 г. былъ отсюда возведенъ въ санъ митрополита кievскаго; послѣ чего король пожаловалъ пинскую катедру волынскому пану Андрею Русину-Берестецкому, который и правилъ ею въ теченіе четырехъ лѣтъ, оставаясь свѣтскимъ человекомъ и нося титулъ „нареченнаго владыки пинскаго и туровскаго“. Когда въ 1572 г. умеръ и этотъ непосвященный „владыка“, то въ числѣ другихъ претендентовъ на вакантную пинскую катедру выступилъ и соборный „протопопъ“ Кириллъ Терлецкій, тогда уже вдовый. Безъ сомнѣнія, онъ больше, чѣмъ кто другой, имѣлъ правъ на эту катедру, такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ фактически управлялъ епархіею и пріобрѣлъ достаточную опытность въ церковно-административныхъ дѣлахъ; но въ то время въ польско-литовскомъ государствѣ высшія духовныя достоинства доставались не тѣмъ, кто ихъ заслуживалъ по праву, а тѣмъ, кто имѣлъ связи при королевскомъ дворѣ и обладалъ большею способностью къ проискамъ.

Было время, когда въ южнорусской церкви всѣ іерархическія мѣста, отъ священника до митрополита, были избирательными, при чемъ избирателями являлись не одни члены клира церковнаго, но и міряне, пасомые избираемаго пастыря. Еще въ 1509 г. Виленскій соборъ изрекъ церковное отлученіе тѣмъ, кто вздумалъ бы искать высшихъ церковныхъ должностей помимо „совѣта и согласія митрополита и епископовъ и безъ избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона“¹⁾. Но, по мѣрѣ все болѣе тѣс-

¹⁾ Актъ Виленск. собора 1509 г., между прочимъ, напечатанъ въ приложеніи къ 6 вып. „Памятниковъ Русск. Старины въ зап. губ.“, loc. cit. стр. 165.